

«Такая корона слишком тяжела для них...»

(Реставрация Бурбонов в 1814 г.)

6 апреля* 1814 г. французский Сенат торжественно провозгласил реставрацию Бурбонов. Страна, привыкшая за 20 лет к разным наименованиям своего первого лица (директор Республики, консул, император), снова услышала непривычно резавшее слух слово: «Король!» На трон, обогранный кровью своего брата, Людовика XVI, вступал следующий из династии Бурбонов – Людовик XVIII. Обессиленная, усталая, желавшая только мира и спокойствия, Франция отнеслась поначалу к возвращению короля достаточно равнодушно. Гарантией неприкосновенности всех завоеваний революционной и наполеоновской эпох была Конституция, которую обязывался подписать Людовик при вступлении на трон. Что он и сделал, уступив сильному давлению Александра I, заявившего, что не впустит Бурбонов в Париж, пока не увидит этого документа с подписью Людовика. 27 мая Конституционная хартия была подписана, и Францией вновь стал править выходец из династии Бурбонов – всё возвращалось на круги своя. Происходило это так...

Январь 1814 г. союзные армии России, Пруссии и Австрии встречали на Рейне. Пока солдаты, офицеры и генералы, поживаясь от ледяного ветра с реки, готовили амуницию и оружие к нелёгкому походу по французской земле, в тёплых кабинетах дипломатов и их государей разгорались нешуточные страсти. Александр I, австрийский император Франц (при активном участии вездесущего канцлера и главы МИД Меттерниха) и английский министр иностранных дел Каслри начинали делёж «шкуры неубитого медведя». Спор шёл о том, кто сядет на трон, с которого будет сброшен Наполеон. И пускай среди союзников ещё не было твёрдой уверенности, что войну стоит продолжать (за заключение мира на границах Рейна выступали практически все члены коалиции, лишь русский император стоял за «войну до победного конца»¹), но закулисные игры вокруг французского престола уже начались.

Старт обсуждению дал английский министр, лорд Каслри, озвучивший Меттерниху свое видение будущего власти во Франции: 1) Бонапарт; 2) Французский генерал, предположительно, Бернадот; 3) Регентство Марии-Луизы; 4) Бурбоны². Английский министр настаивал на том, что варианты 2) и 3) – наиболее нежелательные, влекущие за собой дальнейшее осложнение ситуации. Наиболее верными, с точки зрения англичанина, были 1) и 4) — выбор между Наполеоном и Бурбонами. Самым удобным для Англии, и она этого не скрывала, было возвращение во Францию старой королевской династии. Договариваться с

Наполеоном Англия не собиралась, этот вариант был нужен лишь для возможного затем маневрирования в ходе споров с другими участниками коалиции.

Категорически против переговоров с Бонапартом был и Александр I, упрямо повторявший, как некогда римлянин Катон-старший, что «Карфаген должен быть разрушен»: «У меня только один враг во Франции... Всякое примирение между ним и мною отныне невозможно»³. В беседе с шведским дипломатом Г. Веттерстедтом царь сказал со всей откровенностью, что оставлять Наполеона на троне небезопасно для будущего Европы, а заключать с ним мир – значит вторично возвести его на престол⁴. В таком же духе была написана 1 декабря 1813 г. и знаменитая «франкфуртская декларация» союзников, в которой подчёркивалось, что «союзные державы считают необходимым заявить, что ведут войну не с Францией, а противоборствуют желанию Наполеона господствовать в Европе»⁵. Впрочем, этот документ был призван расколоть общественное мнение Франции, но никак не отражал реального положения дел. В союзном лагере внешне было единство — внутри же на единомыслие не было и намёка: «Я заявил, что британское правительство не отклоняло возможности заключить мир с Бонапартом, как с правителем Франции», - писал Каслри о своей беседе в конце января с австрийским и русским императорами премьер-министру Ливерпулю⁶.

В сложную дипломатическую игру намеревалась сыграть и Австрия. Австрийцы, практически не скрывавшие заинтересованности в сохранении на троне если не самого Наполеона, то хотя бы его сына или жены (приходившихся соответственно внуком и дочкой императору Францу), в этом вопросе были солидарны с Англией. Помощник Меттерниха Генц впоследствии вполне откровенно писал об этом: «Австрийский двор никогда не помышлял о замене одной опасности другою и о низвержении французского господства для содействия и подготовки русского главенства... Венский кабинет имел искренние намерения заключить мир с Наполеоном, поставить в границы его силу, обеспечить государей от замыслов его беспокойного честолюбия, но оставить его семью на троне»⁷. Для Меттерниха, панически боявшегося усиления позиций России, важнее было не позволить Александру посадить на французский трон «своего» кандидата. Поэтому осторожный и расчётливый дипломат предпочёл в итоге поступиться идеей регентства и вместе с Британией настаивать на кандидатуре Бурбонов.

Пруссия, в силу зависимости от остальных членов коалиции, чёткой позиции не имела, предпочитая лавировать между Россией и Англией-Австрией: «У пруссаков

только одна мысль: низвергнуть Наполеона в Париже; кто будет после него, нужды нет»⁸.

Дипломаты спорили, а войска наступали на Париж, придавая своими успехами новый импульс дипломатическим баталиям. В январе армии союзников практически без сопротивления продвигались по французской земле, неумолимо приближаясь к французской столице. Наполеон был занят созданием новой армии и не мог эффективно им противостоять. «К тому же начал зреть роялистский заговор, который организовывался втайне (общество «Рыцарей веры»), подпитываемый недовольством католиков, в это же время Талейран налаживал контакты с Людовиком XVIII»⁹. Забот у французского императора хватало. А его враги, уверовав в скорый успех своего «крестового похода», решили вновь обсудить будущее страны, по которой они столь уверенно продвигались.

Меттерних 27 января предложил созвать совещание для обсуждения целого круга вопросов, среди которых были следующие: готовы ли союзники "дать Франции суверена" или вопрос о династии – внутренний? Если вопрос о династии не внутренний, кого они поддержат – Наполеона или Бурбонов¹⁰? Русский император прямо заявил: «Союзники не должны вмешиваться в династический вопрос, император Александр никогда не отклонялся от этого принципа»¹¹. Такой ответ никак не устраивал австрийцев и англичан, планировавших достаточно активно «помогать» французам определяться с выбором будущего сюзерена, поэтому уже 13 февраля тот же Меттерних предложил союзникам ответить на новые вопросы: Примут ли союзные державы сторону Людовика XVIII? Чьими настроениями будут руководствоваться союзники, чтобы понять волю французов относительно нового правителя? Какой последний срок назначить французам для выражения своих желаний? Что предпринять, если Париж выскажется за Бурбонов, а Наполеон не сложит оружия? Какие отношения установит главная квартира к Людовику XVIII, графу д'Артуа и их эмиссарам?

Вопросы, столь конкретные и животрепещущие, грозили окончательно расколоть стан союзников. И «здание» коалиции, и без того не очень устойчивое, дало вполне ожидаемую «трещину»: ответы русские и ответы австро-прусские (англичане фактически поддержали последних) отразили диаметрально разные позиции союзников. На тот момент позиция Александра I не была столь радикально-антинаполеоновской. Российская дипломатия полагала, что державам вовсе не следует высказываться в пользу Людовика XVIII, а предоставить французам самим проявить инициативу в этом вопросе, руководствуясь настроениями в столице

Франции. Если Париж поддержит Бонапарта, то надо будет с ним и договариваться. При этом поддержку Бурбонам оказывать не стоит¹². Ответ австрийцев и примкнувших к ним пруссаков (которые впервые пошли наперекор позиции России) гласил: не нужно откладывать решение важнейших вопросов до неких «туманных» времён вступления в Париж. Если население не только Парижа, но и всей страны выскажется за Бурбонов, то нужно поддержать Людовика¹³. Партнёры России по коалиции, ещё недавно допускавшие возможность переговоров с Наполеоном, теперь недвусмысленно давали понять: они намерены видеть на французском престоле только Бурбонов. Австрийцы оставили свои идеи о сохранении династии Бонапартов, англичане тоже пересмотрели свои взгляды: «Принц-регент и Ливерпуль выступали за реставрацию Бурбонов. Такого же мнения придерживались и несколько членов кабинета»¹⁴.

Всего за месяц австрийцы и англичане совершенно пересмотрели свою точку зрения: наотрез отказавшись от переговоров с Наполеоном, они совместно готовили французский трон для Бурбонов. Австрийцы в угоду этому не настаивали на регентстве Марии-Луизы, наоборот, любящий отец, император Франц, искренне желал вернуть дочь домой: «Австрийская армия выказывает некоторую осторожность, потому что императору (Францу – Н.М.) важно не рисковать своей дочерью, которую он надеется найти в Париже и вернуть в Вену»¹⁵. К тому же вопросы политики никогда не отделялись от личных и семейных отношений, о чем французскому министру иностранных дел Коленкуру напомнил Меттерних: «Мой император любит свою дочь, но он видит, что причиняет ей новые неудобства. Чем более вопросы политические запутываются, тем больше они становятся личными».¹⁶ Чтобы не запутывать вопроса и не позволить русским приобрести серьёзного влияния на ход французских и европейских дел, Австрия поддержала Англию в вопросе о будущем французском монархе. Отныне альтернатива Бурбонам оставалась всего одна – бывший министр директории, маршал Французской империи, а теперь наследный принц шведский Жан-Баттист Бернадот. Его кандидатуру, впрочем, прямо не называя имени, до последнего отстаивал Александр I.

Будущий шведский король и бывший наполеоновский маршал никогда не пользовался благосклонностью ни австрийцев, ни англичан, несмотря на то, что был одним из первых участников VI антинаполеоновской коалиции. Ему просто не верили, небезосновательно считая человеком себе на уме, искренне заинтересованным лишь в приобретении Дании для своего королевства. Швеция

была нужна союзникам, чтобы связать руки Наполеону на севере Германии, поэтому англичане и австрийцы мирились с Бернадотом, закрывая глаза на незначительность количества шведских войск, воевавших с французами. Их предводитель, сумевший покорить сердца своих новых подданных благородством и великодушием (он отпустил домой пленных шведов в бытность французским маршалом), имел большие планы на Францию. Нигде и никогда открыто не заявляя о своих королевских амбициях, Бернадот всеми силами стремился сделать своё имя популярнее имени бывшего начальника своего, Наполеона, а также бывшей королевской династии – Бурбонов.

Бернадот до последнего медлил с пересечением границы Франции, а когда уже не мог больше оттягивать марша по родной стране, то осуществлял его очень неспешно, строго запрещая подчинённым грабить жителей, подчёркивая этим разницу между ним и другими союзными отрядами, грабившими французов безо всякой жалости. Занимаясь этой «предвыборной кампанией» и имея поддержку русского императора, Бернадот уже почти ощущал на голове королевскую корону Франции. Он не верил, что французы призовут Бурбонов: «Если с Вами заговорят о реставрации Бурбонов, отвечайте: "Если такова будет воля всей французской нации, Швеция будет уважать это волеизъявление". Но опыт показывает обратное»¹⁷, - писал он своему представителю при русской ставке Лёвенъельму (точно так же не верил в возвращение Бурбонов через референдум и Наполеон: «Если народ Франции предпочтёт их мне, будь по сему! Я не держусь так сильно за корону, которую осмелились опозорить!»¹⁸).

Однако не для того вёл хитрую и крайне опасную дипломатическую игру Меттерних и не для того снова и снова после поражений от Наполеона бросался в бой пылкий фельдмаршал Блюхер, чтобы посадить на французский трон бывшего французского маршала. Меттерних успокаивал встревоженного союзного главнокомандующего Шварценберга: «Мы не намерены жертвовать ни единым солдатом для того, чтобы посадить на французский трон Бернадота»¹⁹. Англичане, австрийцы и пруссаки уже сделали свой выбор: Франции надо было вернуть её прежних властителей. Препятствие оставалось одно – император Александр I. Русский царь успел к этому времени стать опытным политиком и блестящим дипломатом, избавившимся от многих иллюзий, которые он питал при вступлении на трон. Однако сейчас, совершенно неожиданно для многих его окружавших, он вспомнил уроки, преподанные ему некогда швейцарцем Лагарпом: «Александр I повторил своё намерение позволить нации (французской) свободно избрать себе

суверена, или даже утвердить Наполеона на троне. Император заявил, что его желание состоит в том, чтобы Законодательный корпус и другие руководящие органы государства... должны быть созваны на ассамблею, где объявят волю нации относительно французского суверена», - в ужасе доносил премьеру Ливерпулю Каслри²⁰. Убеждение в том, что нового монарха французы должны избрать сами, Александр I пронёс до самого взятия Парижа, ожесточённо отстаивая его в спорах с партнёрами по коалиции.

Кроме того, «император (Александр – Н.М.) был по-прежнему отрицательно настроен к Бурбонам, особенно же к королю, как к человеку неспособному»²¹. И дело не только в личной бездарности Людовика XVIII. Русский самодержец наиболее тонко и точно чувствовал политическую обстановку тех дней и безошибочно проанализировал все последствия реставрации Бурбонов: «Принцы вернуться озлобленными несчастиями и не властны будут умерить вражду между теми, кто за них страдал, и пострадавшими по их вине. Против них дух армии... Такая корона слишком тяжела для них», - задумчиво сказал он присланному из Парижа агенту Людовика XVIII барону Витролю²². Александр I прекрасно понимал, что одним из первых действий Бурбонов будет сведение счётов с теми, кто вынудил их покинуть страну и более 20 лет провести в изгнании.

Не мог не понимать этого и блестящий дипломат и ловкий политик Меттерних, который имел долгий разговор с Александром I о Бурбонах. Австрийский канцлер признавал, что возвращение Бурбонов – более «правое дело, нежели рассудочное решение, частные интересы Франции, нежели общие интересы Европы»²³. Царь в ответ произнёс пространный монолог, в котором заметил, что «французская нация враждебно относится к Бурбонам» и «желание посадить их на трон, которого они не смогут удержать, означает поставить Францию и всю Европу под угрозу новых революций, последствия которых сложно предугадать»²⁴.

Избежать этого можно было, по мысли Александра, лишь создав представительный орган, в который войдут депутаты со всей Франции. Возглавить его может умный, опытный человек: «Мы поручим эту деликатную миссию Лагарпу», - ошарашил Меттерниха русский царь. Австрийский дипломат отреагировал моментально: «Этот план приведёт Францию и Европу к многочисленным бедам и проблемам»²⁵. И добавил, что император Франц никогда не поддержит такого решения. Это был фактически ультиматум. Открыто ссориться с Австрией из-за Лагарпа и будущего французского короля Александр I не желал.

Российский монарх остался совсем один – идею о созыве всеобщего представительства для избрания нового короля осуждали не только иностранцы, но и собственные подданные: статс-секретарь Нессельроде, дипломат Поццо ди Борго, даже великий князь Константин, считавший, что предлагать французам избрать нового государя по своему усмотрению – это якобинство²⁶. Примечательно, что желание дать французам выбрать себе государя самим было фактически последним всплеском либеральности у Александра I. Дарованная им в 1815 г. Польше конституция была мерой во многом вынужденной (российский император должен был даровать её новым подданным – по условиям Венского конгресса). Как знать, может, именно неудача с идеей о референдуме для Франции и заронила в сердце Александра неверие в либеральные институты и нежелание больше ими заниматься...

Как бы там ни было, русский царь, с присущим ему тактом и дипломатичностью, нашёл в себе силы на следующий день сказать Меттерниху в ответ на реплику последнего, что австрийский император отказывается прислушиваться к воле французской нации и признаёт лишь законного короля: «Я настаиваю на своём проекте, если он расходится с точкой зрения моих союзников. Я говорю, лишь прислушиваясь к своей совести, всё остальное покажет время»²⁷.

Впрочем, у Александра Павловича был и «запасной» вариант, которого он, впрочем, даже и не стал отстаивать: «Его Величество, однако, заметил, что он видит, что среди других членов коалиции предпочтение отдано именно Бурбонам, и он допускает, что выбор союзников падёт на одного из рода Бурбонов, возможно, на кого-то из младшей ветви (герцога Орлеанского)»²⁸. Но этот вариант так и не был рассмотрен – Англия, Австрия и примкнувшая к ним Пруссия стояли на своём – трон надо вернуть графу Провансскому, который станет Людовиком XVIII. Никакие другие претенденты не рассматриваются.

Александр I уступил. Отчасти из-за нежелания вносить раскол в коалицию, которой только предстояло окончательно сокрушить Наполеона и триумфально войти в Париж (все описанные переговоры шли в январе – первой половине марта 1814 г., когда боевые действия во Франции были в самом разгаре), а отчасти из-за понимания недолговечности Бурбонов на троне. Их свергнут, если не «чужие», так «свои» подданные. Уступив партнёрам в вопросе стратегическом, русский император взял верх в вопросе тактическом: он настоял на том, чтобы Людовик стал монархом конституционным и гарантировал неприкосновенность всех имуществ, нажитых гражданами во время революции и при Бонапарте²⁹. Людовик скрепя сердце

согласился на эти условия – вернуть корону казалась ему важнее. В результате, 3 мая 1814 г. новый король Франции Людовик XVIII Бурбон торжественно въехал в Париж. Белое королевское знамя с золотыми лилиями снова стало государственным французским флагом...

«Мы выясним, кто из нас двоих был прав», - сказал Александр I Меттерниху во время их спора о Бурбонах в марте 1814 года. Дальнейшие события полностью подтвердили догадки царя: почти сразу после воцарения начался «белый террор», затем были Сто дней, и Бурбоны опять вернулись в свою страну на штыках союзников. Финальным аккордом стала революция 1830 г., расставившая всё по своим местам и лишившая прямую ветвь Бурбонов короны. На этот раз навсегда. На престол взошёл герцог Орлеанский, но тоже ненадолго. Александр I оказался прав: корона оказалась «слишком тяжела для них»...

---

* Все даты даны по новому стилю – Н.М.

¹ См.: Сборник русского императорского исторического общества (далее – РИО). СПб, 1881. Т.31. С.377-379

² Webster C.K. (ed.) British diplomacy (1813-1815) (далее – British diplomacy...). London, 1921. P.237

³ Шильдер Н.К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т.3. С.208

⁴ Россия и Швеция. Документы и материалы, 1809-1818 (далее - Россия и Швеция...). М., 1985. С.466

⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.133 («Канцелярия»). Оп.468. Д.1378. Л.1 об.

⁶ British diplomacy. P.140

⁷ Цит. по: Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1908. Т.8. С.195

⁸ Сорель А. Ук. соч. С.219

⁹ Dufraisse R. La France napoléonienne. Aspects extérieurs, 1799-1815. Paris, 1999. P.233

¹⁰ РИО. Т.31. С.355

¹¹ Там же. С.359

¹² Там же. С.377-379

¹³ Там же. С.379-383

¹⁴ British diplomacy... P.149

¹⁵ АВПРИ. Ф.133 («Канцелярия»). Оп.468. Д.1862. Л.81

¹⁶ Archives du Ministère des affaires étrangères. Mémoires et documents. France. Affaires intérieures. Vol.669 F.204

¹⁷ Россия и Швеция... С.479

¹⁸ Caulaincourt A.A.L. Mémoires. Paris, 1933. V.3. P.15

¹⁹ Сорель А. Ук. соч. С.197

²⁰ British diplomacy... P.148-149

²¹ Ibid. P.149

²² Mémoires et relations politiques du baron de Vitrolles. Paris, 1884. V.1. P.125

²³ Metternich C. Mémoires, document et écrits divers. Paris, 1880. V.1. P.182

---

²⁴ Ibid. P.183

²⁵ Ibid. P.185

²⁶ BHP. T.VII. C.611

²⁷ *Metternich C.* Op. cit. P.186

²⁸ British diplomacy... P.149

²⁹ Ibid. P.173